

18+

ДАРЬЯ ЩЕДРИНА

Недоразумение

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Дарья Щедрина

Недоразумение. История любви

«Издательские решения»

Щедрина Д.

Недоразумение. История любви / Д. Щедрина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853868-1

Он вернулся в свой город спустя семь лет... И понял, что нет у него теперь ни дома, ни семьи, ни друзей, ни работы, ни денег. И неизвестно, как бы сложилась его жизнь дальше, если бы не это странное недоразумение...

ISBN 978-5-44-853868-1

© Щедрина Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Недоразумение История любви

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2020

ISBN 978-5-4485-3868-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Дорога домой... Пока мои ноги торопливо шагают по мокрому асфальту, душа перелетной птицей летит в родное гнездо, рассекая крыльями плотную завесу облаков. Четыре стены, в которых все свое, все своими руками, от потолочного карниза до кафельной плитки, где каждая мелочь имеет значение и пропитана любовью к дому. Моя берлога, моя тихая гавань, мой обитаемый остров. Дом, в котором живет моя душа.

Сколько раз за последние семь лет в своих ночных видениях душа моя возвращалась в родные стены, ища и находя в них опору и поддержку? Благодаря этому я и выжил, не свихнулся под давлением жестокой действительности. Другие, у кого не было такого дома, не выдерживали, ломались. Ну да что вспоминать прошлое? Прошло и кануло...

Я не иду, лечу, не обращая внимания на мелкий колючий дождик в лицо, на пронизывающий ветер, словно меня неудержимой силой притягивает к себе магнит родного дома. Там я смогу стать прежним, сбросить, смыть, стряхнуть с себя последние семь лет жизни, избавиться от впитавшейся в меня, проросшей под кожу ненависти и отчаяния. Все кончилось, все осталось в прошлом, теперь я дома...

Вот и узкая дорожка, ведущая через детскую площадку. Вот и гостеприимно распахнутая дверь подъезда. Мой дом ждет меня и встречает, раскрыв навстречу своему блудному сыну объятия.

Поднимаюсь пешком по лестнице, чтобы успеть насладиться забытой атмосферой нормального человеческого жилья, уловить звуки, доносящиеся из квартир соседей, звуки мирной человеческой жизни. Провожу рукой по шероховатой поверхности зеленых стен с благоговением. Семь лет назад у стен был другой цвет, кажется, желтый.

Вот и дверь моей квартиры... Достая ключи дрожащими от нетерпения руками. Сначала верхний замок, потом нижний... Но почему-то ключ не пролезает в замочную скважину. Я наклоняюсь к замку, пытаюсь разобраться в странной ситуации, искренне не понимая, по какой причине ключ может не подходить к замку. И вдруг чувствую сквозь дуло дверного глазка чей-то пристальный и ненавидящий взгляд. Мороз по коже...

– А ну, пошел вон, сволочь! Нечего тебе здесь делать! – доносится приглушенный голос, но злоба и ненависть прорываются сквозь толщу двери. – Ты здесь больше не живешь!

Звон выпавших из рук на бетонный пол ключей похож на звук разорвавшейся под ногами гранаты. Я здесь больше не живу?..

Глава 1

Из дневника Сонечки:

«Бабушка, бабушка, как же мне тебя не хватает, как нужен твой мудрый совет теперь... Хожу по комнатам в состоянии странной оглушенности. Звуки внешнего мира доходят до меня как сквозь вату. Зато я четко и ясно слышу, как звучит внутри меня та самая колыбельная, что пели мне вы с мамой когда-то в детстве... Лунные поляны, ночь как день светла, спи, моя Светлана, спи, как я спала... Почему вы назвали меня Софьей, а не Светланой? Светлана, светлая... Может, тогда бы и моя жизнь была светлее?»

Перебираю фарфоровые безделушки, что живут на полках в шкафу. Некоторые из них даже старше меня. Вот изящная балерина крутит фуэте, встав на носочек длинной, стройной ножки. Александр Сергеевич в задумчивости замер над новой поэмой. Иванушка схватил Жар-птицу за роскошный хвост и не отпускает... С каждой из этих маленьких фарфоровых фигурок связаны теплые детские воспоминания. Они мои настоящие друзья. И еще книги. Что бы я делала, если бы не было книг? Как бы жила?..

С книгами все проще и понятнее, чем с людьми. Людей я иногда совсем понять не могу. Вот куда делся Михаил? Наверное, что-то случилось... Вдруг человек попал в беду? Вдруг ему помощь нужна? Я беспокоюсь, переживаю, но не знаю, как помочь. И денег совсем нет. Уже три неоплаченные квитанции за коммунальные услуги лежат на полочке в прихожей. А зарплаты едва хватает на продукты, да и то приходится экономить.

Не знаю, бабушка, сможешь ли ты меня простить?.. Я сегодня сдала в ломбард твой кулон с синим камушком. Я его потом обязательно выкуплю! Клянусь тебе! А то теперь с неоплатой коммунальных услуг очень строго. Соседка с первого этажа шесть месяцев не платила, потому что кредит какой-то над ней дамочковым мечом висел, так ее в суд вызвали за неуплату. А судов я боюсь... Надо что-то придумать с деньгами. Обращаюсь за помощью к своим друзьям – книгам, но они молчат, ничего подсказать не могут. Да и что может посоветовать Джейн Эйр или Наташа Ростова по поводу долгов по коммуналке?.. Вот такая вот ситуация, бабушка...»

Он вышел из подъезда и в растерянности остановился. Что теперь делать, куда идти?.. Вытащив из кармана телефон, он стал торопливо набирать номер, стремясь скорее снять тяжесть с души, поделиться с близким человеком нелепой и абсурдной новостью: он не смог попасть в собственную квартиру! Но ведь так не бывает.

– Алло, Миша? Привет. Это я, Никита.

– Алло? Алло?.. Вас не слышно!.. Опять проблемы со связью...

И долгие, безразличные ко всему гудки отбоя, уходящие в гулкую пустоту...

– Алло, а Степана можно? Кто его спрашивает? Никита Уфимцев... Как нет дома? Уехал в отпуск?.. Спасибо, извините...

Он продолжал набирать номера старых друзей и знакомых, но кто-то был так занят, что не мог разговаривать, кто-то искренне не узнавал его голос, кто-то сетовал на плохую связь, хотя связь была прекрасной, а кто-то просто не брал трубку. А аккумулятор телефона неумолимо разряжался.

Никита поднял голову и посмотрел на затянутое низкими серыми облаками осеннее небо. Мелкие капли дождя осыпали лицо. Он сделал шаг из-под козырька подъезда, и сразу же холодная, мокрая капля упала за шиворот. Волна зябкой, противной дрожи пробежала вдоль позвоночника. Куда теперь идти?

Пока у него был дом, мир казался устойчивым, недружелюбным, порой жестоким, но устойчивым. А теперь Никита чувствовал, как у него из-под ног убрали опору и он

летит вниз, в никуда, в неизвестность. И не за что зацепиться, не у кого попросить помощи. И в голове была полная пустота. Он, Никита, взрослый, самостоятельный мужик, пожалуй, впервые в жизни не знал, что делать дальше.

Подняв повыше воротник куртки и засунув руки в карманы, он медленно пошел по улице в сторону железнодорожного вокзала. Не ночевать же под открытым небом. Зябкая осенняя сырость просачивалась сквозь куртку, пробирала до костей, заставляя душу сжиматься в комок где-то в глубине груди, там, где медленно и как-то нехотя стучало сердце.

Здание вокзала, недавно отремонтированное, встретило его дежурным, безликим гостеприимством. Под выразительный голос диктора, объявлявшего посадку и отправление поездов, сувенирные киоски манили своим ярким блеском, маленькие кафешки дразнили ароматом кофе и свежей выпечки. Никита, посчитав мелочь в кармане, купил себе пирожок с мясом и отправился в зал ожидания.

Он примостился сбоку от дородной тетки с целым ворохом рюкзаков, сумок и баулов, которые она охраняла, напоминая курицу-наседку над своими цыплятами. Бросив на Никиту недружелюбный взгляд, тетка отвернулась в сторону. Монотонный шум голосов, мягкий шелест электронного табло, где менялись названия поездов и станций назначения, сухое тепло просторного зала, вымотавшая душу и тело усталость сделали свое дело – глаза Никиты сами собой закрылись, и он не удержался, соскользнул с тонкой грани между сном и бодрствованием в мягкие, заботливые объятия сна...

Комната с круглым обеденным столом в центре переполнена светом. Дед с отцом о чем-то спорили, но спорили по-доброму, искренне пытаясь доказать другому свою правоту. Мама с бабушкой хлопотали на кухне, откуда доносились чудные, аппетитные запахи. Воскресенье. Значит, бабушка с утра печет пироги с капустой, с рыбой, с рисом и яйцом. Ничего вкуснее бабушкиных пирогов на свете не бывает! Даже эскимо уступает этим пирогам! Вот мама, светясь счастливой улыбкой, выносит из кухни на подносе дымящуюся посудину с чем-то очень вкусным. И рот маленького Никитки мгновенно наполняется голодной слюной. Дед с отцом тут же забывают свои споры и поворачиваются к столу. «Ну вот, дорогие мои, давайте обедать!» – говорит мама. У дверей появляется бабушка, снимая кухонный фартук, вытирая добрые, натруженные руки вафельным полотенцем. И так хорошо, так покойно на душе Никиты...

– Эй, просыпаемся, молодой человек, просыпаемся и предъявляем документы! – бесцеремонно выхватил из уютного сновидения Никиту чей-то голос, а жесткая рука потрясла за плечо.

Никита подобрался, протирая кулаком сонные глаза, и растерянно уставился на человека в полицейской форме. «Только этого не хватало!» – мелькнуло в голове Никиты, и он полез в карман за документами. Зал ожидания за время его сна почти опустел.

– Проходите! – посмотрев документы и хмыкнув в пшеничные усы, произнес старший лейтенант и потянул Никиту за собой.

– Я что-то нарушил, гражданин начальник? – вяло поинтересовался Никита, понимая, что влип по полной. Ничего хорошего эта встреча с представителем органов ему не сулила.

– Вот это мы сейчас и проверим.

Опорный пункт полиции располагался на первом этаже в каком-то закутке. Лейтенант распахнул перед Никитой дверь и рукой указал на стул возле стола. Сам сел за стол, по-хозяйски развалившись в кресле, и снова погрузился в изучение документов задержанного.

– Выходит, Уфимцев Никита Иванович, только откинулся? – и холодные голубые глаза пронзили Никиту насквозь, пытаясь заглянуть в самые тайные закоулки его души. Не скрывает ли чего-нибудь?

– Выходит, – кивнул Никита, отвернувшись к окну, за которым клубилась расцветенная огнями темная осенняя ночь.

– А чего на вокзале ошиваешься? Ты же местный, судя по документам.

Никиту покорило фамильярное обращение мальчишки-лейтенанта, но за семь лет он привык, притерпелся. Когда люди оказываются по разные стороны закона, возраст уже не имеет значения. Никита посмотрел на лейтенанта и задумался, стоит ли говорить правду. И решив, что врать не имеет никакого смысла, ответил:

– А меня домой бывшая жена не пустила. Замки на двери сменила и не пустила. Родственников у меня нет, друзьям я, такой герой, не особо нужен. Денег нет, телефон и тот разрядился. Куда же мне было идти? Под дождем даже паршивый пес ночевать не захочет, будет искать сухое и теплое место. Вот и я...

В голубых глазах появился интерес, даже любопытство.

– А чего ж в полицию-то не пошел? Ты же прописан в этой самой квартире? Имеешь полное право там проживать. – И усмешка в голосе.

– А ты бы сам, гражданин начальник, после семи лет зоны пошел в полицию права качать? – не выдержал Никита и не мигая уставился в холодные голубые глаза.

Губы под пшеничными усами растянулись в неожиданно дружелюбной улыбке, а взгляд потеплел.

– Ясно все с тобой, Уфимцев. Ладно, помогу я тебе. – Он полез в нижний ящик стола и долго там копался, что-то разыскивая. Спустя минуту выложил на стол перед Никитой какую-то бумагу с напечатанным текстом. – Тут адрес центра социальной поддержки населения, проще говоря, ночлежки для таких, как ты, неприкаянных. Выгнать не выгонят, а переночевать будет где. Ну а там как-нибудь разберешься со своей бывшей... – И добавил доверительно, совсем потеплев взглядом: – Все-таки бабы такие суки!..

Видать, история Никиты задела что-то глубоко личное в душе старшего лейтенанта с пшеничными усами. Никита, до конца не веря в расположение полицейского, взял листок со стола, убрал его вместе с документами во внутренний карман и, благодарно кивнув, вышел из помещения опорного пункта полиции.

Центр социальной поддержки населения, вернее, его отделение для лиц БОМЖ, оказался небольшим одноэтажным домиком с выкрашенными в нежно-желтый цвет стенами. На высоких окнах монументально смотрелись решетки. И тут решетки, вздохнул Никита и нажал кнопку дверного звонка.

На звонок никто не отреагировал, да и в окнах не было света в этот ранний утренний час. Судя по всему, обитатели крепко спали. Никита походил вокруг дома, поизучал окна жилых и подвальных помещений, вернулся и снова позвонил. Спустя минуту тяжелая дверь с недвольным вздохом отворилась и на пороге возник заспанный охранник.

– Откуда? – спросил он, бросив на Никиту недоверчиво-оценивающий взгляд.

– С вокзала...

– Проходи. – И пропустил его внутрь. – Только ноги о коврик вытирай. Грязно на улице.

Охранник, солидный мужик с заметной сединой в волосах, с выправкой бывшего военного, сначала провел Никиту в свою каморку, где стоял диван, а на столе на большой экран были выведены мониторы нескольких камер видеонаблюдения. Однако, серьезно оснащена ночлежка!.. Никита протянул хозяину комнаты свои документы. Тот прочитал и кивнул головой:

– Понятно. Есть хочешь? А то до прихода Натальи Ивановны, нашей заведующей, еще часа два ждать придется. А меня Игорь Петрович зовут.

Никита растерянно кивнул головой. Никаких больше вопросов от охранника не последовало. Он просто провел новичка в большую, просторную столовую, усадил за стол и поставил перед ним кружку с дымящимся чаем.

В разные интересные места попадал Никита в своей жизни, но бывать в ночлежке для тех, кто оказался на самом дне, еще не приходилось. Мысленно он убеждал себя, что это не тюрьма, хоть на окнах и есть решетки, но странная скованность поселилась внутри и не отпускала. Несмотря на цветастые занавески на окнах, большой телевизор в уютном холле в конце длинного узкого коридора, книжные полки с целым собранием книг, мягкие кресла и горшки с цветами на подоконнике, дом был пропитан казенным духом, от которого тоскливо сжалось сердце. Вдоль коридора по обе стороны располагались двери с табличками «Спальня №1», «Спальня №2» и так далее. В конце коридора возле окна дверь с табличкой вела в кабинет заведующей.

Игорь Петрович после завтрака передал Никиту в руки низенькой, пожилой Раисы Михайловны, выполнявшей в ночлежке, как понял Никита, функцию кастелянши и горничной. Добродушная полноватая Раиса Михайловна, чем-то напомнившая тетюшку-волшебницу из детских сказок, оценив вполне приличный вид нового постояльца, сразу провела его в спальню и указала на свободную койку у двери. Постельное белье на койке сверкало белизной и крахмально хрустело. Общага, аккуратная, ухоженная, но общага...

Обитатели ночлежки с интересом, но без враждебности посматривали в сторону Никиты, к счастью, знакомиться не спешили. Был среди них немолодой тощий тип, смахивающий на хищную птицу. Он оказался инвалидом и с трудом перемещался на костылях. Второй сосед, с физиономией неандертальца, не отягощенной признаками интеллекта, с любопытством поглядывал на него маленькими голубыми глазками из-под низко нависающих надбровных дуг. Остальные были типичными опустившимися алкоголиками, которых стараниями Раисы Михайловны отмыли, очистили и приодели.

Вскоре пришла на работу заведующая ночлежкой Наталья Ивановна. Лет пятидесяти, красивая, ухоженная дама в элегантных очках. Пока она изучала документы Никиты, он осматривался в ее кабинете. Небольшая комната с двумя столами и шкафом была завалена какими-то бумагами. Системный блок старенького компьютера прижался в уголке под столом, жидкокристаллический монитор неловко балансировал на одной ноге между пачками документов, рискуя свалиться со стола. Наталья Ивановна, расчистив в этом море бумаг маленький пятючок, стала оформлять документы на нового жильца.

– Вы можете здесь спокойно жить целый месяц. У вас будет крыша над головой, чистая постель и еда. Мы поможем, если возникнет необходимость в медицинской помощи, в оформлении документов. Единственное, что здесь у нас категорически запрещено, – это находиться на территории отделения в нетрезвом виде. Пьяных мы безжалостно выставляем за дверь. И это не обсуждается. Надеюсь, месяца вам хватит, Никита Иванович, чтобы сориентироваться в жизни, найти себе работу и нормальное жилье. Если не получится с жильем, – Наталья Ивановна глянула на него снизу вверх, сняв элегантные очки и демонстрируя красиво подведенные миндалевидные глаза, – срок вашего пребывания здесь будет продлен. Но это решение придется согласовывать с администрацией.

Жить здесь целый месяц? Среди этого сброда, среди этой казенщины? Местечко, конечно, весьма милое, особенно если сравнивать с чердаками и подвалами, к которым привыкли местные обитатели. Но Никите уже через два часа пребывания здесь стало тошно, так тошно, что хотелось выть волком на луну. Семь лет, семь лет казенного гостеприимства зоны, а теперь еще целый месяц... С него хватит! Но что делать? Как выбраться из этой западни, что устроила ему бывшая благоверная? Понаблюдав за выражением лица Никиты, Наталья Ивановна ласково, как маленькому растерявшемуся ребенку, посоветовала:

– Вы успокойтесь, Никита Иванович, передохните пару дней и принимайтесь за поиски работы.

На поиски работы Никита отправился через полчаса.

Он сидел на стуле возле стеклянного шкафчика с лекарствами. Из-за ремонта пришлось перенести прием психолога в медицинский кабинет. Да и не прием это, а просто беседа, беседа с одиноким, потерянным, не знающим, как жить, человеком.

Он еще пытался усилием воли держать спину прямо, а плечам не давал горбиться. Человек гордый, с чувством собственного достоинства. И только глаза выдавали растерянность, почти что панику.

– Никита Иванович, – сказала психолог центра социальной защиты населения, женщина молодая, лет тридцати пяти, но за пару лет работы здесь столько насмотревшаяся, что ничему уже не удивлялась, – несколько дней назад, когда вы стояли у ворот в шаге от свободы, вы были уверены, что свобода встретит вас с распростертыми объятиями? А оказалось, что вас вообще никто не ждет? Так?

По документам ему тридцать восемь, а выглядел на сорок с хвостиком. Впрочем, ничего удивительного, семь лет заключения наложили свой отпечаток. Он поднял на нее серые, подернутые какой-то тусклой пленкой глаза и медленно кивнул.

– Это обычное явление. Для заключенного нет ничего важнее и желаннее свободы. Всем кажется, что вот только бы выйти, а там уж я!.. И вдруг оказывается, что тут ты никому не нужен, что никто не желает иметь дело с бывшим зеком.

– В том-то и дело, что бывшим! – наконец воскликнул Никита, перестав сдерживаться. И мутная пелена в его глазах сразу исчезла, растворилась. – Я честно оттрубил свой срок от звонка до звонка. Сполна понес наказание. Теперь я чист перед законом! А на меня смотрят как на прокаженного, будто от меня можно заразу подцепить. Ладно бывшая жена! Я ее понимаю даже. Семь лет жила себе в свое удовольствие, планы строила, а тут я явился! Я уже давно не вписываюсь в ее планы. Хотя, признаюсь, неприятно, когда у тебя перед носом дверь захлопывают, дверь твоей собственной квартиры... И ты не знаешь, куда идти и что делать дальше...

Марина Сергеевна невольно представила, как стоит этот невысокий крепкий мужчина с заросшим трехдневной щетиной, точно выточенным из камня суровым лицом перед закрытой дверью своего дома, в который не может попасть. Не идти же ему, бывшему зэку, в полицию с просьбой повлиять на бывшую жену! Хотя в данном случае закон на его стороне. Но гордость и чувство собственного достоинства...

– А родственники или друзья? – подбросила вопрос психолог, словно сухую ветку в костер. Авось разгорится живое пламя ярче и осветит нужное решение.

– Родственников у меня нет. А друзья... – Никита поджал губы, с которых уже готовы были политься неприятные эпитеты. – До зоны был уверен, что у меня полно друзей, партнеров по бизнесу, хороших знакомых. А потом все они куда-то делись. С тех пор как фирму после моего ареста растащили, так и забыли о моем существовании. Теперь делают вид, что мы не знакомы. Вот такие метаморфозы.

Он отвернулся к окну, за которым ветер колыхал голые ветки деревьев. Природа умывала серым осенним дождем окна маленького одноэтажного домика, приютившего таких же, как он, Никита, никому не нужных, лишних на этом празднике жизни людей.

– Да, Никита Иванович, ситуация сложная, – психолог тихонько постукивала кончиком карандаша по столешнице, наблюдая за собеседником, – но не безвыходная.

В его глазах тут же вспыхнул огонек, он насторожился, как охотничий пес, собираясь, готовясь к прыжку. А этот – боец, этот будет карабкаться, сдирая в кровь пальцы, до конца! Такому только намекни на то, что выход есть, и он его найдет, обязательно найдет.

– Во-первых, надо найти работу. Знаю, знаю, что на хорошую работу вас никто не берет. Клеймо судимости еще долго будет портить вам жизнь. К этому надо быть готовым. Начинайте с чистого листа.

– Что значит с чистого листа? – Никита слегка наклонился в сторону психолога, боясь пропустить что-то важное, не услышать, не уловить слово, намек, подсказку, что даст ему возможность выжить, все-таки выжить.

– Забудьте о том, кем и чем вы были раньше. Начинайте с нуля, с чистого листа. Сначала найдите любую, самую неквалифицированную, самую низкооплачиваемую работу. Главное зацепиться! Через пару месяцев найдете себе что-нибудь более приличное. Но за вашими плечами уже будет не зона маячить, а какая-никакая трудовая деятельность. И идите на контакт с бывшими друзьями и знакомыми и просите помощи с работой, с жильем. Не закрывайтесь, не замыкайтесь в себе при первой же неудаче. Перешагните через свою гордость и идите дальше! Наверняка среди большого количества бывших друзей и знакомых найдется тот, кто вам поможет. Пусть один-единственный, но найдется. Главное не опускать руки! Вы меня поняли?

– Вашими бы устами, Марина Сергеевна, – усмехнулся Никита одним уголком губ, но в его глазах затеплился огонек надежды.

– А по поводу квартиры, в которую вас не впустила бывшая супруга, надо поговорить с нашим юристом. Мне кажется, что вы имеете право претендовать на часть имущества. Ведь эту квартиру покупали вы лично, когда были в браке?

– Да. Но это же судебные разборы...

– Да, Никита Иванович, судебные разборы. Возможно, долгие и нудные, но необходимые. И вы, как законопослушный гражданин, будете решать свои имущественные споры с бывшей женой по закону, как и полагается. Только нужно набраться терпения. Так что, Никита Иванович, некогда вам посыпать голову пеплом. Отдохните денек – и за дело! Впереди у вас трудный период жизни. Но, будьте уверены, даже самые трудные периоды когда-то заканчиваются.

А за окном дождь уже перестал. В хмуром осеннем небе между плотными клочковатыми серыми тучами появились голубые просветы. Холодный северный ветер безжалостно разгонял облака, подсушивая сырые улицы и дома в городе. Вот-вот начнутся заморозки. Пусть холодно, пусть скоро тонкая корочка льда покроет мелкие лужицы на тротуарах, но зато солнце, белое, холодное солнце будет смотреть мутным глазом на готовящийся к зиме город. Предзимье...

Глава 2

Открыв дверь районной детской библиотеки, Сонечка сразу погрузилась в привычную, добрую, теплую атмосферу. В этот утренний час читальный зал был пуст, но столы и зеленые настольные лампы замерли в благоговейном ожидании своих первых читателей. Вот закончатся уроки в школах и...

Соня каждый день представляла полный читальный зал ребятни от совсем маленьких первоклашек до почти взрослых выпускников, жадно глотающих книжку за книжкой под уютным светом настольных ламп. Но зал был полон только в ее воображении. Любовь к настоящим печатным книгам, теплым, пахнущим типографской краской, с гладкими красивыми обложками, стала большой редкостью, считалась скорее чудачеством. Теперь, в эпоху интернета, детвора и молодежь читали электронные версии. И не было никакой необходимости тащиться по хмурой осенней улице в библиотеку, если можно было, лежа на родном диване, почерпнуть нужную информацию в собственном гаджете.

От слова «гаджет» на душе у Сонечки становилось гадко и противно. Она не понимала: как можно поменять настоящую, живую книгу на какой-то бездушный гаджет? Ведь электронная читалка выдает информацию, а настоящая книга, как добрый друг, делится с тобой своим теплом, раскрывает свою душу, доверчиво вводит тебя в удивительный мир. И ты, читая, становишься сопричастным удивительным тайнам, порывам и исканиям, ошибкам и сомнениям, взлетам и падениям героев, сопереживаешь им, преодолеваешь вместе с ними все трудности и препятствия и в конце концов побеждаешь вместе с ними! Почему современные дети этого не понимают?..

Она прошла в подсобное помещение, где все сотрудники библиотеки вешали верхнюю одежду, и поставила на стул авоську с картошкой, которую купила по дороге на работу.

– Здравствуй, Сонечка! – улыбнулась ей Анфиса Михайловна, чем-то отдаленно похожая на Сонину бабушку, оттого неизменно вызывающая в ее душе тепло и радость. – Как дела?

– Дела нормально, Анфиса Михайловна, – ответила Соня, сразу почувствовав себя нужной. Вот ведь какое счастье работать с людьми, которым ты не безразличен!

– Нет сведений от твоих молдаван? – За стеклами очков Анфисы Михайловны мелькнул явно заинтересованный взгляд.

– Пока нет. Наверное, у них проблемы с миграционной службой. Но я жду, не теряю надежду!

Анфиса Михайловна с некоторым сожалением посмотрела на свою молодую коллегу и сочувственно вздохнула.

– Ну жди, жди. Бог даст, все образуется.

– Вот только с деньгами совсем туго, – решила поделиться наболевшим Соня, робко подняв на Анфису Михайловну взгляд. – У нас там никаких премий не ожидается?

– Ну что ты, Сонечка, какие премии в детской библиотеке? Я вообще не понимаю, как ты еще здесь держишься при такой нищенской зарплате. Ты же молодая, у тебя столько потребностей! Это мы тут, пенсионеры, чтобы дома не скучать, дышим книжной пылью. А тебе бы другую работу найти.

– Ну что вы, Анфиса Михайловна, какая другая работа? – удивилась Соня. – Я и делать-то больше ничего не умею, только с книжками работать. Здесь мое место, и никуда я не уйду.

– Просидишь за книжными полками, Соня, потеряешь время. А тебе женихов искать надо бы. Жизнь-то идет!

– Что вы говорите, Анфиса Михайловна! – возмутилась Сонечка, чувствуя, как щеки заливают смущенный румянец. – Еще чего – женихов искать! Меня не так воспитывали мама с бабушкой.

– А неправильно они тебя воспитывали, Сонечка! – со знанием дела заявила старшая коллега. – Девочку, девушку надо настраивать на замужество, создание семьи, воспитание детей, а не на чтение книг. Книги – это вторично!

– Как вы можете так говорить про книги! – не сдержала возмущения Соня и, желая прекратить этот неприятный разговор, отправилась в соседнее помещение разбираться с формулярами должников.

Работы на самом деле было много. К Новому году библиотека готовила поэтический конкурс, посвященный зиме, зимней природе, зимним играм и забавам. Соня должна была оформить тематическую выставку русских народных сказок для младших школьников.

Во время небольшого обеденного перерыва, когда все сотрудники, вернее, сотрудницы (в коллективе не было ни одного мужчины) чаевничали в подсобном помещении, снова возникла тема Сониного будущего.

– Соня, а может, тебе продать свою квартиру? – внесла предложение Екатерина Петровна, полная пожилая дама, умудряющаяся совмещать работу с вязанием шарфов и свитеров своим домашним. За годы совместной работы, по подсчетам Сони, Екатериной Петровной был связан целый зимний гардероб на четыре персоны. Именно столько членов семьи было у нее: дочь, зять и двое внуков.

– Как это – продать квартиру? – Соня подняла на нее растерянный взгляд от старой чашки в красный горошек с отколотым краешком.

– А зачем тебе трехкомнатная квартира одной? Расходы большие, а толку мало. Продашь квартиру, купишь поменьше. Хотя за старую хрущевку много не дадут.

Соня испуганно хлопала глазами за толстыми стеклами очков. Как можно продать квартиру, в которой родился и вырос, в которой прошла вся твоя жизнь? Да, близкие тебе люди уже покинули этот мир, но при чем тут квартира? Продать в данном случае означало предать! Предать прошлое, пожертвовать чем-то очень важным, более значимым для Сони, чем материальная выгода.

– Нет, я так не могу! – сказала она и решительно отодвинула от себя пустую чашку.

– Ну, может быть, тогда тебе сдать одну комнату? – внесла свое предложение Анфиса Михайловна. – Вот и хватит денег на оплату коммунальных затрат.

– Впустить в дом чужого, незнакомого человека?.. Нет, я боюсь, – покачала головой Сонечка.

– А это хорошая идея! – воскликнула с воодушевлением Катерина Петровна. – Не надо впускать в дом незнакомого человека. Надо через знакомых, кого-то, кому можно доверять. В этом я тебе помогу, душа моя! Ты для нас как дочка, вернее, внучка, Сонечка! Не беспокойся, в беде не бросим, пропасть не дадим! Найду я тебе подходящего квартиранта. И решатся твои финансовые проблемы, хотя бы частично.

Глава 3

Никита поднялся пешком на пятый этаж и остановился у двери в квартиру. В неплохом месте обосновался Самат. Когда они виделись последний раз, Самат был совсем еще мальчишкой, только приехавшим из Казахстана, стремящимся пустить корни на новом месте в новой стране. Судя по всему, сумел укорениться в России молодой казах.

Дверь распахнулась сразу, едва Никита успел нажать на кнопку звонка. Двое пацанов детсадовского возраста с удивлением воззрились на него раскосыми азиатскими глазенками.

– Здравствуйте, я к Самату, – кивнул им Никита, постаравшись улыбнуться как можно приветливее.

– Папа, папа, к тебе какой-то дядя пришел! – заголосили пацаны на два голоса, перебивая друг друга, стараясь обойти брата и донести до отца первым новость.

Из кухни вышел отец. Все тот же Самат, невысокий, поджарый, только старше на семь лет, солиднее, увереннее в себе.

– Здравствуй, Никита Иваныч! – улыбнулся он дружелюбно, протягивая широкую трудовую ладонь бывшему начальнику.

– Здравствуй, Самат!

– Сколько лет, сколько зим!

– Да уж восьмой год пошел с тех пор...

– Летит время... Ты проходи, проходи, Никита Иваныч, гостем будешь!

И повел на кухню, познакомил с женой Айнагуль, маленькой улыбчивой казашкой, усадил за щедро накрытый стол, даже рюмочку налил. В душе Никиты медленно-медленно таяло непрошеное напряжение. Пока шел на встречу со старым другом, не другом, подчиненным, что много лет назад осваивал под его руководством азы строительного дела, все думал: как примет его Самат? Станет ли вообще разговаривать с бывшим зеком? Но вот же и за стол усадил, и рюмочку налил.

– Спасибо за гостеприимство, Самат!

– Самат добро помнит, не забывает, – в узких черных глазах мелькнула улыбка.

– Я смотрю, Самат, ты твердо встал на ноги. Семей обзавелся, дом обустроил, – Никита с неприкрытым любопытством осматривал кухню, где каждая вещь, каждая посуда, чисто вымытая, вычищенная, была на своем месте, где во всем чувствовалась заботливая женская рука. А из комнаты доносились веселые детские голоса.

– Не может, да и не должен человек без семьи, без дома жить. Такова природа вещей!

Никита с интересом взглянул на собеседника.

– А в тебе все больше проявляется жизненная мудрость, Самат. Помню, ты еще совсем мальчишкой был, а рассуждал как аксакал, спокойно и мудро. И учился как одержимый. С работы тебя выгонять приходилось, так торопился профессию освоить.

– Да, Никита Иваныч, многому я у тебя научился, мастером стал. Повезло, что успел. После твоего ареста такой разброд в конторе начался, не передать. Ну да ты и сам знаешь! Растащили фирму твою на части. Конкуренты, как стая падальщиков, набросились в один миг, точно только и ждали. Ну а народ потянулся кто куда. Одни пошли к конкурентам... Ты не осуждай их, Иваныч, ладно? – Самат глянул на него с извиняющейся улыбкой, будто был в чем-то виноват.

– Да что ты! У всех же семьи, дети. Их кормить надо было. Кто давал работу, к тому и потянулись мужики. За что ж тут осуждать? – ответил Никита.

– А я на вольные хлеба подался, – в голосе бывшего подчиненного прозвучала гордость. – Стал заниматься частным строительством, ремонтом. Руки-то у меня, как ты сам говорил, из того места растут, что надо. Постепенно клиенты ко мне потянулись, ценить мою работу

стали. Теперь вот бригадой небольшой обзавелся. Летом первый большой заказ выполняли под ключ, коттедж делали. Хорошо получилось, Иваныч. Ты бы мной гордился.

– А я и так горжусь, Самат. Не пропала моя наука для тебя. Молодец! И пацанов своих, думаю, правильно воспитаешь.

Самат подлил гостю в рюмку водки и задал вопрос, давно вертевшийся на языке. Но какой же восточный человек задает важные вопросы с порога? Сначала гостя накормить надо, напоить, дать отдохнуть, порадовать приятной беседой, а потом и вопросы задавать.

– Ну а ты-то как, Никита Иваныч? – снова блеснули любопытным огнем узкие черные глаза.

Не пошла эта рюмка, полыхнула жгучим пламенем по пищеводу, да и осела в желудке камнем. Что мог рассказать Никита бывшему подчиненному, с которым и дружить-то не дружил никогда? Что его бывший начальник, хозяин растущей строительной фирмы, уважаемый человек, что учил его уму-разуму когда-то, живет теперь в ночлежке для бомжей? Что нет у него теперь ни собственной крыши над головой, ни надежного заработка? Что теперь он, как нищий, вынужден побираться по бывшим друзьям и знакомым? Тут не только водка поперек горла встанет...

– Да как я... – Отвел глаза в сторону, хотя что там за окном рассматривать? Ветер, дождь, холод, поздняя осень. – Вот вернулся недавно...

Он замялся, не зная, с чего начать свой невеселый рассказ. Но Самат опередил его.

– Я знаю, что случилось, Никита Иванович. Семь лет назад в конторе нашей долго подробности обсасывали. Ты уж извини, не знал я, что мужики хуже баб сплетни любят. Но уши не закроешь. И вот что я тебе скажу, Иваныч, – Самат наклонился поближе к Никите и заговорил тише, но доверительнее: – Будь я на твоём месте, поступил бы точно так же и ни о чем не жалел!

На сердце у Никиты вдруг стало тепло-тепло, будто и туда добралась согревающая жидкость из рюмки.

– Нет, Самат, тебе бы так поступать не пришлось. Ты в женщинах лучше моего разбираешься. – И, подняв рюмку для тоста, произнес с благодарной улыбкой: – Дай бог, друг мой, чтобы мир и счастье всегда жили в твоей семье!

Они снова выпили и закусили, и последнее напряжение оставило гостя, и он с наслаждением впитывал всем своим существом чужое домашнее тепло, гостеприимство и уют доброго дома.

– Я ведь с просьбой к тебе, Самат, – наконец решился заговорить о главном Никита. – Мне работа нужна. Очень нужна.

Самат вздохнул, не торопясь дожевывая кусок мяса и открыто посмотрел на Никиту.

– Понимаю, Иваныч. Но начальничьей должности в моей конторе нет. Если пойдешь простым мастером – возьму. Золотым рукам всегда работа найдется.

– Я же в начальники и не стремлюсь, Самат! Любой работе буду рад. А как я работать умею, ты знаешь.

– У меня как раз заказ один подзавис. Уехал человек внезапно на родину, мать хоронить. Не мог я его задерживать, сам понимаешь. Работу не доделал, а заказчик недоволен. Доделаешь? Там немного осталось.

– Конечно, о чем разговор! Когда начинать? – воодушевился Никита. Любой, самой черной, самой низкооплачиваемой работе он был бы рад. А с Саматом работать он любил, еще семь лет назад любил, потому что у обоих были золотые руки и одинаковое чувство ответственности за свое дело.

– Так, завтра и начнем, Иваныч. Добро пожаловать на борт! – Самат улыбнулся широко и дружелюбно, как брату.

Когда проводили гостя, Айнагуль спросила у мужа:

– Кто такой этот Никита Иванович? Разве он твой друг? Что-то я не слышала о нем раньше.

– Он не просто друг. Он больше чем друг. Он – человек, который дал мне удочку и научил ею пользоваться.

Глава 4

Из дневника Сонечки:

«Сомнения терзают мою душу... Может, зря согласилась? Никогда в этом доме не жили мужчины, а тут вдруг квартирант!.. Но деньги очень нужны, очень... И Катерина Петровна говорит, что вполне приличный человек, она его лично знает. И аккуратный, и ответственный, и порядочный, а все равно боязно... Прости меня, бабушка, если бы не нужда, ни за что не пустила бы в наш дом чужака! Зато я смогу выкупить в ломбарде твой кулон с синим камушком.

Бабушка, почему же так сложилось, что в нашем добром, уютном, милом доме не приживались мужчины? Ну ладно, прадед не вернулся с войны, погиб под Берлином почти в самом конце. Это я понимаю. И то, что прабабушка больше замуж никогда не вышла, тоже понимаю. Слишком много мужчин война выкосила, остались больные да искалеченные, да и тех быстро разобрали и крепко в руках держали. Некогда было заниматься устройством личной жизни, когда ребенок на руках и работа с утра до ночи. Тяжелое было время.

А почему я деда своего не помню? Ни одной фотографии его в доме нет, в альбомах зияют провалы в тех местах, где должны были быть его фотографии. Что произошло? Ни ты, ни мама о нем никогда не говорили, а на мои вопросы отмалчивались и даже сердились. Я его даже представить себе не могу. Смотрю на мамину фотографию и думаю: вот глаза у него должны были быть такие же светло-карие, чайного оттенка, и нос такой же прямой, длинный. Потому что именно глаза и нос у мамы были не такие, как у тебя, бабушка. В детстве я мечтала, фантазировала о том, что мой дед был космонавтом из первого отряда и погиб во время испытаний. Но о героях обычно помнят, ими гордятся, о них рассказывают детям и внукам. А вы молчали о дедушке. Значит, героем он не был...

Отца своего я тоже не помню, вернее, просто не знала его никогда. Мама говорила, что он ушел еще до моего рождения. Что ему не понравилось? Как мог не понравиться наш дом? Да в этот дом влюбляешься, как толькоходишь в него! И вы с мамой были отменными хозяйками, так вкусно умели готовить, и шили-вышивали, и чистоту поддерживали идеальную. Тогда почему?.. Что было не так?

Помню, бабушка, ты назвала его козлом. Меня так неприятно резануло это слово! И это моя воспитанная, интеллигентная бабуля, которая требовала соблюдения приличий всегда и во всем! Мне было очень обидно, не за отца, за себя. Ведь если отец козел, то, значит, я – козленок? Несправедливо как-то. И обо всех маминых знакомых мужчинах, что появлялись потом в ее жизни, ты тоже презрительно и высокомерно говорила: «Очередной козел!» Почему? Ты же даже не была с ними знакома. А сама меня учила относиться к людям доброжелательно и с доверием. Почему на мужчин этот принцип не распространился?

И в моей жизни не случилось ни одного мужчины. Никто никогда не ухаживал за мной, не приглашал на свидания, не дарил цветов. Я помню, как мне нравился один мальчик в школе. Он пришел к нам только в выпускном классе, и все девчонки тут же в него влюбились. Он был очень красивым, умным, веселым. Я тебе о нем рассказывала, бабушка. А ты сказала, что он подхалим и приспособленец. С чего ты это взяла? С того, что он сидел за одной партой с Наташей Макаровой, дочкой нашего завуча?

А в институте у нас всего три мальчика учились на курсе, остальные девочки. Наши три богатыря! И все хорошие ребята, особенно Саша Синельников. Он был такой начитанный, эрудированный, с ним всегда было так интересно! Но ты сказала, что он мнит себя пупом земли и что он скорее не эрудит, а эгоист. Я тогда промолчала, не стала с тобой спорить, но внутренне не согласилась с твоей оценкой. Просто перестала тебе рассказывать о нем.

Но ни подхалимы и приспособленцы, ни эрудированные эгоисты – никто не обращал на меня внимания. Я одно время переживала, но ты, бабушка, сказала, что переживают из-за мужчин только глупые бесхарактерные девицы и вертихвостки. А раз я, твоя внучка, умная, целеустремленная, серьезная, то о таких пустяках и переживать нечего. Ты всегда была мудрой.

Но вот завтра придет в мой дом чужой мужчина, станет квартирантом, а я даже не знаю, как с ним разговаривать... Мужчина – как инопланетное существо, опасное и загадочное... Ох, бабушка, как же мне тебя не хватает! Как не хватает твоих советов, подсказок! Придется выкручиваться самостоятельно...»

Третий этаж, квартира 31... Весьма обшарпанная дверь. Через минуту после звонка в замке наконец лязгнул ключ. Никита внутренне насторожился и весь подобрался. Ему очень нужна была эта комната. Если бы не Катерина Петровна, добрая душа и подруга последней клиентки, которой он делал ремонт в квартире, пришлось бы подбирать что-то раза в два дороже. Пришлось бы, потому что сил жить в этой ночлежке среди опустившихся бомжей, алкоголиков и бывших экзов уже не было. Тоска по нормальному человеческому жилью душила по ночам бессонницей, сдавливала сердце железными тисками.

Дверь со скрипом (надо бы петли смазать!) медленно растворилась, и Никита замер в удивлении. В маленькой прихожей перед ним стояло странное существо, вероятно, женского пола. Скорее все-таки женского, потому что зеленое кримпленовое платье (кримпленовое!), явно с чужого плеча, скрывало все особенности фигуры. Темные волосы были так гладко зачесаны назад и стянуты на затылке таким тугим узлом, что ни один волосок не смел даже попытаться выбраться из прически. Пластмассовый обруч этому способствовал. Огромные квадратные очки с толстыми стеклами доминировали на узком вытянутом лице, делая незначительными все черты.

Возраст хозяйки квартиры тоже было трудно определить. Никита вспомнил, что чаще всего возраст женщины выдает шея. Из старомодного воротника древнего кримпленового платья (кажется, даже его мама уже не застала моду на кримплен) торчала тонкая, длинная, по-детски трогательная шейка. Какая-то нелепая смесь ребенка со старушкой, подумал про себя Никита.

– Здравствуйте, я по поводу комнаты, – кивнул он, растерянно комкая в руках вязаную шапку.

– Здравствуйте, проходите! – Голос вроде взрослый, не женщина, а недоразумение какое-то...

Хозяйка посторонилась, пропуская его в квартиру.

– Меня Никита зовут, – представился он.

– А меня Софья Васильевна. – Голос строгий, учительский, спина прямая, напряженная. И без всяких вступлений: – Вот ваша комната.

Она распахнула перед ним дверь маленькой комнаты, и сразу повеяло теплой, уютной стариной. Судя по всему, не только хозяйка квартиры, но и сама квартира была пропитана духом времени. Слева от окна прижималась к стене старинная железная кровать с «шишечками», с горкой разновеликих подушек под кружевной накидкой. Никита сразу вспомнил деревенский дом бабушки, в котором он проводил в детстве лето, с точно такой же кроватью. Вспомнил, как, будучи в детсадовском возрасте излишне любопытным, просунул голову между железными прутьями спинки кровати, а обратно вытащить голову не получилось, уши мешали. Его отчаянный рев был слышен на другом конце деревни. А спас его тогда сосед, здоровый мужик, с усилием разогнувший огромными ручищами с короткими волосатыми пальцами железные прутья...

Над кроватью на стене красовался старомодный коврик с оленями. Массивный двустворчатый шкаф громоздился в углу напротив, занимая, казалось, половину комнатки. И только

старое трюмо с помутневшим от времени зеркалом намекало на принадлежность комнаты женщине. На подоконнике выставили солнцу яркие красные соцветия два горшка герани.

– Ну, как вам комната? – поинтересовалась хозяйка за его спиной.

– Замечательно! – воскликнул новый квартирант, нисколько не лукавя. После зоны, после ночлежки для бомжей разве могла ему не понравиться эта комната?

– Телевизор можете смотреть в соседней большой комнате. А в холодильнике я вам верхнюю полку под продукты освободила, – комментировала хозяйка строгим голосом, пока он осматривал квартиру.

У Никиты возникло подозрение, что машину времени все-таки изобрели. Иначе как в начале XXI века в центре столицы мог сохраниться уголок такой старины? Или это был музей советского быта 50—60-х годов прошлого столетия? Старая мебель с кружевными, снежно-белыми, хрусткими от крахмала салфеточками на полках, на которых стройными рядами стояли фарфоровые статуэтки. Собrania сочинений классиков в книжном шкафу с потрепанными, зачитанными переплетами. И только массивный телевизор с вытянутым кинескопом и большим экраном (такие еще лет пятнадцать назад уступили место плоским плазменным панелям) стоял на тумбе и казался неуместно современным среди всего остального.

Тем не менее странное жилище было пропитано любовью к каждой вещи, к каждой безделушке, сердечным теплом и заботой. Маленький уютный мирок, неизвестно как затерявшийся во времени. Ну вот, кажется, я дома, неожиданно для себя понял Никита и с облегчением вздохнул.

Недоразумение женского пола, хлопая за стеклами очков неопределимого цвета глазами, после осмотра комнат повело нового квартиранта на кухню. По дороге Никита решил заглянуть за незнакомую дверь и щелкнул клавишей выключателя. Однако, к его удивлению, свет не зажегся, и ванная комната – а это оказалась именно она – за распахнутой дверью клубилась таинственной темнотой.

– Лампочка не горит, – прокомментировала Софья Васильевна небрежно, точно это обстоятельство не имело никакого значения.

– А как же вы в ванную ходите? – поинтересовался Никита. – На ощупь?

– Можно сказать и так. Просто я затеяла ремонт в начале лета, но он завис по независящим от меня обстоятельствам. На крючке для полотенец висит карманный фонарик. Можете пользоваться им.

Никита пошарил в потемках по стене в указанном направлении и нашупал фонарик. В мутном размыве фонарного луча его взору предстала апокалиптическая картина: серые обшарпанные стены со следами сбитой кафельной плитки; глубокая лохань ванной с полустертой, потрескавшейся эмалью; нудно капающий кран раковины; тихое заунывное журчание неисправного сливного бачка унитаза...

– Это вы с лета в таких условиях живете? – спросил Никита.

– Да. Бригада строителей-молдаван была вынуждена внезапно вернуться на родину, почему-то так требовало миграционное законодательство. Они уже начали работу и вдруг уехали. Надеюсь, скоро вернутся.

Никита направил луч фонаря на лицо хозяйки и с любопытством посмотрел на нее.

– Надеюсь, деньги за работу вы им не заплатили?

– Заплатила, конечно! Ведь они же начали работу. И попросили заплатить вперед.

– Всю сумму? – не поверил собственным ушам Никита.

– Да, всю сумму.

Недоразумение в кримпленовом платье отвечало с уверенностью, без тени сомнения. Никита опустил фонарь и вышел из ванной.

– И расписку за полученные деньги вы с них не взяли? И паспортные данные не записали? – Спрашивая, он уже знал, каким будет ответ.

– Нет, не взяла и не записала. Это же приличные люди, зачем же брать расписку? У меня есть их номер телефона, только он почему-то не отвечает.

Действительно, недоразумение... Она совсем дурочка или только прикидывается? Но надо было быть вежливым. Под его испытующим взглядом Софья Васильевна почувствовала себя неловко и попыталась оправдаться.

– Их бригадир, Михаил, солидный человек, седой уже. Говорил, что они в России несколько лет работают, у них много клиентов, а денег берут за работу не много. Выгодно для меня, понимаете? Я ведь библиотекарем в детской библиотеке работаю. Зарплата у нас небольшая. Вот я и согласилась.

– И вы вот так на слово совершенно незнакомому человеку поверили? – Похоже, в этой квартире самым выдающимся антиквариатом была ее хозяйка.

– Я же говорю, он солидный человек, седой уже, глава большой семьи! У него десять детей и куча внуков! Как можно не доверять такому человеку? Он мне честное слово дал, поклялся здоровьем своих близких!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.